

Общая характеристика исследования

Исследование представляет собой анализ, происходившего в 1988 – 1993 гг., становления органов общественного самоуправления в России. Это – особые структуры (комитеты общественного самоуправления, забастовочные комитеты), считающиеся многими исследователями структурами гражданского общества. Появление этих органов стало результатом взаимодействия «верхов» страны и протестных движений «низов»: забастовочного движения рабочих на производстве и экологического движения жителей городских микрорайонов.

В работе доказывается, что в полной мере структурами гражданского общества такое самоуправление назвать нельзя, что взаимодействие властей и активистов данных движений не носило стратегический характер, и было необходимо властям для мобилизации союзников «снизу» в деле интеграции страны в мировой рынок, проведения массовой приватизации производства и маркетизации городского пространства. Рождённые в начале изучаемого периода (1988 – 1991гг.) органы общественного самоуправления были политически нейтрализованы или практически уничтожены в конце этого периода (1992 – 1993гг.). Причина уничтожения – попытка активистов органов самоуправления самостоятельно решать политические задачи вне сферы контроля властей. Побочным продуктом этого процесса стало возникновение лишь небольшого количества органов общественного самоуправления, которые можно назвать несистемными элементами гражданского общества.

Актуальность предлагаемого диссертационного исследования видится в том, чтобы проанализировать накопленный в процессе общественной трансформации России в конце прошлого столетия опыт общественного самоуправления и показать возможности демократической самоорганизации, кооперации граждан в борьбе за свои социальные права. Это, на наш взгляд, отвечает первостепенным потребностям российского общества в создании гражданского общества и правового государства.

Предметом диссертационного исследования является российский социально-экономический и политический процесс, его конкретно-историческое содержание на этапе распада советской общественно-политической системы и становления и развития новых общественных отношений и новых властных структур.

Объектами исследования являются организационные формы и структуры, создаваемые на переломе 80х – 90х годов прошлого века участниками территориального протестного движения и протестного движения на производстве для управления этим движением.

Под территориальным протестным движением в диссертации понимается массовое, сознательное нарушение горожанами правил социально-политического поведения в «повседневной» жизни на территории города, поселка или городского микрорайона (как правило, в форме «экологического бунта») с целью изменения характера или условий владения, управления или содержания указанной территории. Забастовкой, то есть протестным движением на производстве или производственным протестным движением, мы называем массовое, сознательное нарушение наемными работниками обычного трудового процесса в форме отказа от работы с целью изменения условий производства или производственных отношений.

Основными формами общественного самоуправления, возникшими на базе протестных выступлений горожан в 80е годы, являются комитеты или советы территориального, как правило, микрорайонного общественного самоуправления (КОСМ), а на производстве – забастовочные комитеты (ЗК).

Хронологические рамки исследования ограничиваются 1988 – 1993 годами. Первая дата связана с тем, что в 1988 г. в нашей стране произошел перелом не менее значимый, нежели тот, что был в конце 20х годов. С этим годом, как историки, так и политологи связывают начало нового этапа перемен. Часть из них считает, что до 1988г. преобразования в СССР шли,

как реформация, а после – как революция¹. Такие исследователи перестройки, как Д.В.Маслов, подчёркивают, что до 1988 г. в стране проходил кризис периферии советской системы, а после – её центра². Именно тогда, на наш взгляд, лидер перестройки, М.С.Горбачев сосредоточил в своих руках всю полноту власти в стране. Кроме того, в 1988 году в СМИ были опубликованы все основные элементы популистско-демократической программы перестройки нашего общества, которая впоследствии и стала воплощаться в жизнь. Наконец, в том же году «появился на свет» один из основных объектов нашего исследования. Первый комитет самоуправления, КОСМ Братеево был зарегистрирован в СССР в 1988 году. Начались массовые забастовки в шахтерских регионах. Все эти события позволяют считать обоснованным первую хронологическую границу нашего исследования.

Вторая хронологическая граница исследования - 1993 год. Это – год принятия в России новой Конституции, радикально изменившей политическую систему страны. Так называемая «августовская республика», существовавшая в нашей стране в период с августа 1991г. до декабря 1993г. была ликвидирована. В том же 1993 г. были ликвидированы многие органы территориального общественного самоуправления. Например, в Москве их количество было сокращено в 14 раз. В том же году властями было практически покончено с массовым забастовочным движением в формах,

¹ Стародубовская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина / М, Вагриус, 2001, с.161

² Маслов Д.В. Историографические и методологические основы исследования состояния советской системы / Сергиев Посад, 2004; Он же. Процессы распада советской системы: вопросы методологии исследования // Россия в условиях трансформаций / М, 2002, вып.18-19, с.5-25; Он же. Подходы к изучению состояния советской системы накануне «перестройки» // Россия в условиях трансформаций / М, 2002, вып.24, с.89-130.

характерных для 1988-89 гг. В 1993 по сравнению с 1992 гг. количество бастующих предприятий сократилось почти в 24 раза.

Целью исследования является изучение исторического опыта возникновения и развития комитетов территориального общественного самоуправления и забастовочных комитетов в условиях кризиса и краха советской общественно-политической системы и становления новых общественно-политических отношений на территории нашей страны.

Задачами исследования является изучение:

1. Социально-экономических и политических условий возникновения первых комитетов самоуправления (КОСМ) и забастовочных комитетов (ЗК) в России;
2. Эволюции структур и функций КОСМ и ЗК;
3. Развития межличностных взаимоотношений между активистами внутри КОСМ и ЗК;
4. Субординационных и иерархических связей КОСМ и ЗК, то есть системы взаимодействия этих органов с аналогичными структурами, и системы подчиненности этих органов;
5. Трансформации КОСМ и ЗК по мере изменения исторических условий;
6. Социально-психологического состояния актива КОСМ и ЗК.

Методологическая основа исследования.

Автор придерживается общих для большинства российских историков методологических принципов – принципов объективности, то есть всестороннего, непредвзятого изучения объекта исследования, и историзма, а именно - рассмотрения изучаемого явления в его развитии, как явления, имеющего определенные истоки, трансформирующегося под влиянием объективных и субъективных факторов развития и окончившего свою деятельность, то есть ставшего собственно историческим.

Методологической основой исследования является также приемлемое сочетание начал аутентичной современности марксистской теории с теорией

социально-ролевых игр (Й.Хейзинга, Э.Берн)³, с идеями о существовании в сознании российского электората неформального сценария массовой социально-ролевой игры в «героя и дружину» (Е.Егорова-Гантман и др.)⁴.

Диссертационное исследование носит междисциплинарный характер. Стержнем исследования является подход с позиций историзма с применением присущего исторической науке исследовательского инструментария с подключением возможностей социологии, правоведения, политологии и социальной психологии.

Методы исследовательской работы в диссертации.

В ходе исследования использовались различные методы анализа: компаративный, сравнительный анализ; анализ правового статуса объектов исследования; структурно-функциональный анализ объекта исследования; политтехнологический анализ при изучении имиджевой легенды актива КОСМ и ЗК; транзакционный анализ при изучении поведения участников протестных митингов. Была также использована так называемая шкала реакции политической системы на вызов со стороны⁵.

Классификация объектов исследования.

В диссертации предлагаются три классификационные основы при классификации территориальных протестных движений: по объекту или явлению, против которого протестуют участники движения; по месту в морфологической части города (исторический центр и центр деловой

³ Берн Э. Игры, в которые играют люди; Люди, которые играют в игры / Спб, Лениздат, 1992; Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / М, Прогресс, 1992.

⁴ Абашкина Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Разворотнева С., Сиверцев М., Федоренко Т. Имидж лидера. Психологическое пособие для политиков / М, Знание, 1994.

⁵ Burstein P., Einwobner R., Hollander J. The Success of Political Movements // The Politics of Social Protests / L, 1995.

активности, зона стагнации центра города, зона внутреннего города, зона стагнации внутреннего города, пригород); по зонам маркетизации города, то есть степени вовлечения городского пространства в рыночный оборот. Критерием маркетизации служит цена жилой площади, как косвенный показатель размера земельной ренты в разных частях города. За единицу московской маркетизации, например, мы приняли цену 1 кв.м. жилья в депрессивном московском микрорайоне Братеево.

Мы используем пять главных классифициционных основ при классификации производственных протестных движений: по отношению участников к процессу производства, (открытые - с прекращением работы и скрытые - с продолжением работы); по содержанию конфликта (экономические и политические); по характеру забастовочной инициативы (рабочие и «директорские»). Как и территориальное протестное движение, протест на производстве можно классифицировать по месту в морфологической или маркетизированной части города.

В исследовании неоднократно употребляется термин «соседство» («сообщество», «community»). В зарубежном обществоведении есть 94 определения этому понятию. Общее между ними - то, что «объединяет людей». Выделяются 6 типов соседств: интегральные, приходские, диффузные (сообщества без взаимосвязей), переходные (сообщества высококомобильных горожан), аномические (сообщества с низким уровнем контактов), ступенчатые⁶. В диссертации используется именно эта классификация, как наиболее соответствующая целям и задачам исследования.

В исследовании важное место занимает тема взаимосвязи органов общественного самоуправления и политических партий. Мы не используем классификацию партий по признакам идейно-теоретических положений

⁶ Warren R., Warren D. The Neighborhood Organizer's Handbook / Paric, Norte Dame University Press, 1977.

партийных программ, деление на «левых» - программно близких к социалистическим учениям и «правых» - разделяющих программу формирования буржуазного общества (условно - «линейный спектр»), т.к. нами подмечены его парадоксы, которые условно названы «блоковый» (заключение блоков между «левыми» и «правыми» партиями, при отсутствии блоков между программно близким партиями) и «политологический» - невозможность классифицировать в рамках «линейного спектра» такие объединения, как общества солдатских матерей или партию любителей пива. Обойти парадоксы позволяет предлагаемая гипотеза о многослойности политического спектра России, представляющего собой своеобразный «слоеный пирог», где каждый слой - уровень политической активности населения - представлен определенной категорией партий. Мы считаем, что в России действуют псевдопартии номенклатурного уровня активности, протопартии неноменклатурного уровня и паропартии «смехового» уровня. Последнее, то есть возникновение и развитие партий подобных партии одиноких мужчин, партии дураков, партии любителей пива, партии любви, движения «Субтропическая Россия» и т.п. является реакцией политизированной части российского общества на засилье номенклатурных партий. «Смеховые» партии не только выполняют функцию оппонента партий номенклатурного уровня - высмеивают, дегероизируют номенклатуру, они и обогащают арсенал российской политической полемики.

«Правизна» или «левизна» партий носит либо имитативный, либо зародышевый характер. А главное - партии могут взаимодействовать только внутри «своего» уровня политической активности. Межуровневый контакт исключён или недолговечен.

И территориальные, и производственные протестные движения тесно взаимодействовали с профсоюзами. Это обстоятельство вынуждает нас предложить свою классификацию российских профсоюзов. По аналогии с партиями, на наш взгляд, в профсоюзном движении России в начале 90х

действовали псевдопрофсоюзы системы Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР), альтернативные ей протопрофсоюзы и имитативные предпринимательские профсоюзы.

Практическая значимость диссертации. Результатами исследования могут в своей практической работе пользоваться две группы учёных и специалистов. Это, во-первых, преподаватели вузов. Автором выявлено, что уже сейчас отдельные положения диссертации используются при чтении общих и специальных курсов по отечественной истории, политологии, социологии, психологии, праву и управленческим дисциплинам учебными центрами 12 вузов в России и Украине. Диссертация является основой для введения нового раздела «История общественного самоуправления» в такую историческую дисциплину как история государственных учреждений и общественных организаций. Работа делает шаг в направлении развития исследований, аналогичных развивающейся с 80х годов прошлого века в США «новой истории города», составной части мировой клиометрии, основоположники которой Р.У.Фогел и Д.С.Норт недавно стали лауреатами нобелевской премии. Диссертация позволяет начать усиленную разработку истории жилищного движения в России.

Во вторых, диссертация имеет большое практическое значение для политтехнологов, специалистов в сфере государственного управления и юристов, специализирующихся в сфере государственного и муниципального права. Несмотря на то, что в основу диссертации положен анализ исторического процесса, она содержит в себе все элементы политико-технологического исследования. Применена методика диагностики электоральных возможностей организации, диагностики региона для нужд политической кампании, составления эффективной листовки, проведения эффективной «листовочной экспансии», кампании «от двери к двери», организации массового митинга, комитета общественного самоуправления, забастовки и забасткома. Правоведы в ближайшее время обязательно столкнутся с проблемой создания нового кодекса законов о местном

самоуправлении. Выводы и результаты настоящей диссертационной работы способны оказать действенную помощь в выработке концепции такого кодекса.

Структурно работы состоит из введения, заключения, трёх глав и приложения. Во введении определяется актуальность исследования, объект и предмет исследования, хронологические рамки, цель и задачи диссертации, её методологические основы, оговаривается междисциплинарный характер работы, говорится о методах исследования, классификационных принципах, которых придерживается автор, а также о практической значимости исследования и его апробации. Первая глава раскрывает проблемы источниковой базы исследования и степени изученности избранной диссертантом темы. Вторая глава посвящена изучению возникновения и развития объекта исследования, а третья - его уничтожению и почти полному исчезновению с политической арены. Заключение содержит основные выводы диссертационного исследования. В приложение вынесены материалы, подробно раскрывающие отдельные аспекты изучаемой темы, но не влияющие на характер изложения материала глав и выводы.

Новизна работы.

Тематическая новизна диссертации заключается в том, что впервые описано и проанализировано с точки зрения историка такое явление общественной жизни конца 80-х – начала 90-х годов, как территориальное общественное самоуправление. Впервые проведен сравнительный анализ двух ранее несопоставляемых явлений – территориального общественного самоуправления в форме КОСМ и забасткомов как производственного общественного самоуправления. Этот анализ позволил глубже понять механизм взаимоотношения реального политического руководства страны, трансформирующейся номенклатуры и населения.

Источниковедческая новизна диссертации определяется впервые вводимым в научный оборот большим корпусом исторических источников, основу которого составили уникальные копии материалов Верховного

Совета РСФСР (подлинники были уничтожены в ходе октябрьских событий 1993г.), Моссовета и объединённого забасткома Североуральского бокситного рудника. Эти источники позволили описать и подробно изучить ранее неисследованное историками явление - территориальное общественное самоуправление и углублённо исследовать забастовочное движение 1988 – 1993гг. Новизна источниковой базы определяется и основным методом сбора источников – методом включенного наблюдения за объектами исследования.

Методологическая новизна диссертационной работы заключается в соединении положений аутентичной современности марксистской теории с теорией социально-ролевых игр, что позволило по-новому объяснить суть массового протестного движения изучаемого периода как инициированной трансформирующейся номенклатурой массовой социально-ролевой игрой. Методологической новизной работы является конкретизация марксистского подхода к изучаемой теме, предлагаемая идея об эксплуатации капиталом не только рабочего времени трудящегося, но и его досуга. Эта идея позволяет найти углублённое объяснение ряду причин возникновения территориальных протестных движений в современном городе. Новизна исследования заключается и в широком использовании методологии современной социологии, что позволило для объяснения истории стратегии и тактики протестных движений ввести понятия о городском пространстве как товаре, российской городской властной машине как диспетчере по распределению этого товара, понятия о жилищных классах, жилищном капитале и его обороте, существовании в современном российском городе различного рода соседств, которые могут превращаться в «оборонные» и быть инициаторами разного рода социальных конфликтов.

Классификационные новшества диссертации заключаются в предложении положить в основу классификации протестных движений объект, против которого протестуют участники движения, а также классифицировать протестные движения по месту в морфологической части города и зонам маркетизации города, что в свою очередь также представляет

собой новаторскую разработку, позволяющую объяснить разную социально-политическую тактику городских сообществ во взаимоотношениях с городскими властями. Предлагаемая в диссертации классификация политических партий также является новой для исторического исследования. В диссертации предлагается делить партии (согласно уровню политической активности, в границах которого они существуют, и отношению к основному политическому субъекту современной российской политической истории – трансформирующейся номенклатуре), на номенклатурные и корпоративные псевдопартии, неноменклатурные протопартии, а также смеховые парипартии. Подобная классификация партий позволила объяснить выявленные автором работы блоковый и классификационный парадоксы российского партогенеза. Новизной диссертации является и классификация российских профсоюзов, во многом аналогичной классификации партий. В диссертации профсоюзы делятся по степени их независимого и реального воздействия на формирующийся рынок труда на псевдопрофсоюзы системы ФНПР, которую в диссертации именуют не профцентром, а ассоциацией заместителей директоров по кадрам и быту, альтернативные системе ФНПР протопрофсоюзы и имитативные профсоюзы. Автору диссертации принадлежит классификация предвыборных листовок по методам их распространения (на настенные и для раздачи в руки избирателю или в почтовый ящик) и характеру предвыборной информации (презентационные, агитационные, сигнально-информативные), что, на наш взгляд, позволило углублённо описать технологию кампании «от двери к двери», проводимую активистами протестных движений.

Терминологической новизной диссертации является введение в исследование новых терминов, раскрывающих методологические и классификационные принципы работы, таких как уровни политической активности (номенклатурный, неноменклатурный, корпоративный, «смеховой»), парипартии, имитативные профсоюзы, реальное политическое руководство страны и его независимый низовой оппонент, несистемные

элементы гражданского общества, кумулятивный эффект от забастовки, секретная политэкономия забастовки, кредитно-финансовая политика забасткома, шпильбрехеры как разрушители социально-ролевой игры, революция среднего возраста.

Методической новизной диссертации является использование для нужд исторического исследования, наряду с традиционными методами исторической науки, политтехнологического анализа, направленного на выявление имиджевой легенды политического актива протестного движения; использование транзакционного анализа, а также заимствованной из социологии шкалы измерения реакции системы на раздражение извне. Новшеством диссертации можно считать применение метода включенного наблюдения как методического приёма для анализа действий объекта исследования.

Историко-правовая новизна диссертации. Впервые в российской исторической науке изучено становление законодательства о территориальном общественном самоуправлении.

Новизной диссертации являются выводы о

1. масштабах протестного движения в стране в 1988 – 1993 гг., на базе которого возникли комитеты территориального общественного самоуправления (КОС) и забастовочные комитеты, во многом определявшие ход ряда исторических событий того периода;
2. протестном движении как массовой социально-ролевой игре, инициированной трансформирующейся номенклатурой и невозможности назвать КОС и забасткомы в полной мере структурами гражданского общества, так как они стали плодами развития этой игры. Управляя КОС и забасткомами, как бы с желанием управляемых, идя навстречу управляемым, трансформирующаяся номенклатура начала сначала, массовую

приватизацию крупного и среднего производства, а чуть позже – маркетизацию и приватизацию городского пространства;

3. создании КОС и профсоюзов на базе забасткомок как о формах политической активности, навязанной участникам протестного движения «сверху». Такие формы больше всего устраивали трансформирующуюся номенклатуру, так как позволяли усилить контроль за протестными движениями;
4. событиях ГКЧП, как популистской революции, в ходе которой забасткомы начали выходить из-под контроля трансформирующейся номенклатуры. Призыв к сопротивлению ГКЧП, к началу кампании гражданского неповиновения и забастовкам, озвученный руководством России 18 августа 1991 г. в условиях отсутствия жёсткого контроля за забастковками привёл к тому, что забастовки начали организовываться и проходить совсем не так, как желало руководство РСФСР. Страх руководства страны перед несанкционированными действиями забасткомок породил сначала Указ Президента России №65, а затем правительственные телеграммы на все производства с целью прекращения забастовок. Это остановило начавшуюся популистскую революцию и не дало трансформирующейся номенклатуре сразу и в полной мере решить свои социальные задачи, для решения которых два года спустя, потребовался ещё и переворот 1993г.;
5. том, что основным содержанием социально-политических действий реального политического руководства страны во время «августовской республики» было порождённое страхом перед популистской революцией подавление независимого низового политического движения, способного вдохнуть реальные силы и новое содержание в новые органы власти – забасткомы и КОС,

даже если это низовое движение было ранее инициировано «сверху»;

- б. принятии до 1988 г. руководством страны неформального решения о проведении десоветизации на низовом уровне. Это явление стало необратимо с 1991 г., а значит не о каком «противостоянии ветвей власти» на низовом уровне не может быть и речи после 1992г.

В ходе диссертационного исследования обнаружены требующие дальнейшего изучения такие феномены российского историко-политического процесса как забастовка без требований, наличие «порученцев власти» при организации протестных движений и его институционализации, «война соседств» как серьёзный политический конфликт, психологический стресс жителей низкоэтажных домов («стресс 1 этажа») как источник политической активности, прекращение политической активности («замирание общества») в ходе «шоковой терапии», бюджет государства как источник финансирования забастовочного движения.

Апробация работы. Основные положения диссертации нашли отражение в 1 монографии (16 п.л.), 15 научных статьях (15 п.л.) в периодических изданиях по списку ВАК, 2 брошюрах, 6 статьях в сборниках научных трудов, 11 статьях в научно-публицистических изданиях (в т.ч. 3 статьи в издании ЦИК РФ «Журнал о выборах»), экспериментальном учебном курсе для студентов отделения политологии философского факультета МГУ, 14 выступлениях на круглых столах и научных конференциях, 24 публицистических статьях в прессе, 21 статьях в сети Интернет (в т.ч. 1 в его украинской части), а также выступлениях на парламентских чтениях по теме «Правовое регулирование территориального общественного самоуправления» 25 мая 2001г.

Содержание работы.

Первая глава диссертационного исследования посвящена изучению **источников и историографии предмета и объектов исследования.**

По истории происхождения документы, составляющие основу источниковой базы диссертации, можно разделить на:

1) Коллекцию материалов подкомитета по развитию самоуправления Комитета по вопросам работы советов народных депутатов и развитию самоуправления Верховного Совета РСФСР, которая сложилась в 1992-1993гг. Коллекция содержит материалы из 32 городов, характеризующие 302 немосковских, российских КОСМ и 19 инициативных групп по созданию КОСМ;

2) Коллекцию документов комиссии Моссовета по работе с местными советами и развитию самоуправления, которая создана в 1990-1992гг. Она содержит данные о 104 КОСМ, 23 советах общественности микрорайонов (СОМ), 3 социально-педагогических производственных комплексах (СППК), 5 домкомах, 6 уличных комитетах Москвы;

3) Архив КОСМ Братеево (1988-1991гг.);

4) Материалы конкурса Московского общественного научного фонда «Оценка положительного опыта деятельности территориального общественного самоуправления и создание условий для его дальнейшего развития в Российской Федерации», хранящиеся в архиве Московского общественного научного фонда. На участие в конкурсе прислали заявки 91 КОСМ из 28 городов России. Большая часть КОСМ, приславших свои заявки, создана до 1993 года. Нам удалось ознакомиться с этими материалами. Но основным источником первичного характера они не могут быть уже в силу того, что составлялись через шесть лет после изучаемых событий;

5) Коллекцию документов объединенного забасткома производственного объединения Североуральский бокситный рудник (ОЗК ПО СУБР) 1990-1992 гг. и материалов Независимого профсоюза горняков

России, Объединенного профсоюза трудящихся кооперативных предприятий, ЦК Российского профсоюза работников среднего и малого бизнеса и Федерации профсоюзов авиадиспетчеров России 1992-1993гг.;

6) Коллекцию «неформальной» прессы (303 наименования), а также материалов публикаций в «официальной» прессе и сети Интернет;

7) Коллекцию материалов, поступивших к автору как к политическому консультанту. Эти материалы содержат, в основном, социологическую и политологическую информацию о выборах, электоральной активности населения и предвыборном положении в 18 регионах страны в 1992 – 2003гг. Данные материалы использовались для изучения электоральной стратегии и тактики активистов КОСМ, а также как иллюстративный материал.

По видовой принадлежности, характеру, специфике формы и содержания документов материалы источниковой базы можно объединить в шесть групп:

1) Материалы органов государственной власти, то есть Советов народных депутатов разных уровней;

2) Материалы общественных и полуобщественных - полугосударственных организаций, то есть собственно материалы КОСМ, забасткомов и профсоюзов;

3) Материалы СМИ;

4) Статистические материалы;

5) Материалы социологических исследований.

В качестве дополнительных источников использовались мемуары государственных и общественных деятелей изучаемой эпохи⁷.

⁷ Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С.Горбачёва / М, 1995; Варенников В. Судьба и совесть / М, Палея, 1993; Коржаков А.В. Борис Ельцин: от рассвета до заката / М, 1997; Лигачёв Е.К. Гдлян и другие / М, Ветеран, 1991; Лукьянов А. Переворот мнимый и настоящий. Ответы на вопросы из «Матросской тишины» / М, Палея, 1993; Олейник Б. Князь тьмы. Два года в Кремле / М, Палея, 1992; Павлов В. Горбачёв-путч. Август изнутри / М, Деловой мир, 1993; Российские

Перечисленные комплексы источников дают возможность представить репрезентативную и достоверную картину развития самоуправленческого и забастовочного движения в 1988-1993 годы. Подобная источниковая база позволяет решать поставленные исследовательские задачи.

Историография изучаемого периода и предмета исследования.

Российская историческая наука о недавнем прошлом в конце 80-х - начале 90-х годов переживала серьезный кризис. Его основу составил идеологический кризис, который повлек за собой концептуальный кризис, главным проявлением которого стало то, что исторические концепции разрабатывались за пределами научного сообщества, как составная часть политических программ, навязываемых не только широкой публике, но и историкам. Идеологический и концептуальные кризисы повлекли за собой кадровый кризис. Историки - профессионалы физически не могли «дать отпор» всем псевдонаучным концепциям истории современности. Огромное влияние на историческую науку оказало «исчезновение» двух традиционных для советских историков объектов исследования – СССР и КПСС. Распад СССР был воспринят некоторыми историками как личная трагедия и вызвал психологический шок. Роспуск КПСС усугубил ситуацию. Началась массовая и не всегда эффективная разработка такого направления исследований как история современных партий.

Кризис исторической науки тех лет усугублялся источниковедческим кризисом. У историков не было полной, репрезентативной и достоверной источниковой базы об изучаемых событиях. Несмотря на кампанию по рассекречиванию документов, например, сталинской эпохи, сохранился и даже ужесточился режим секретности современных документов. Появилась новая категория секретных материалов – документы, содержащие

социал-демократы в дни августовского путча / М, 1992; Руцкой А.В. Лефортовские протоколы / М, 1994; Хасбулатов Р.И. Великая российская трагедия / М, ТОО «Симс», 1994, т.1-2.

коммерческую тайну. Были потеряны для исследователей, уничтожены многие источники, например, архивы забастовочных комитетов и новых профсоюзов (Независимого профсоюза горняков).

Однако к началу нового, XXI века, благодаря трудам В.В.Согрина, А.А.Королёва, В.В.Журавлёва, А.С.Барсенкова, А.И.Вдовина, В.А.Корецкого, многих других историков начала крепнуть объективистская историография периода перестройки⁸.

Преодолевается и источниковедческий кризис. Усилиями архивистов РГАСПИ формируется общедоступная источниковая база для изучения перестройки, ведётся обширная публикаторская деятельность⁹. Преодолевается и кадровый кризис. Всё большее число историков делает предметом своего исследования процессы, проходящие в стране в конце 80х – начале 90х годов.

В основе современной историографии изучаемого периода выделяется три направления:

⁸ Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985-1994. От Горбачева до Ельцина / М, Прогресс-академия, 1994; Королёв А.А. От моноидеи к «цветущей сложности» // История: постижение смысла / М, 1994; Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки / М, 1995; Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю / М, Аспект пресс, 2002; Барсенков А.С. Политическая элита СССР и распад союзного государства // http://www.niiss.ru/mags_barsenkov.shtml; Барсенков А.С. Реформы М.Горбачева и судьба союзного государства. 1985 – 1991 / М, МГУ, 2001; Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1938 – 2002 / М, Аспект Пресс, 2003; Барсенков А.С., Корецкий В.А., Остапенко А.И. Политическая Россия сегодня / М, Московский рабочий, 1993, тт.1, 2, Кулешов С.В., Медушевский А.Н. Россия в системе мировых цивилизаций: Учебное пособие / М, «Русский мир», 2001, ред. Волобуева О.В.; Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия / М, 1995, ред. Журавлёв В.В.

⁹ Горбачёв – Ельцин, 1500 дней политического противостояния / М, ТЕРРА, 1992; Ельцин – Хасбулатов: Единство, компромисс, борьба / М, Тера, 1994; Несокрушимая и легендарная в огне политических баталий (1985 – 1993) / М, ТЕРРА, 1994.

1. апологетическое (труды А.Яковлева, Э.Шеварднадзе, В.Медведева, А.Черняева, Г.Шахназарова¹⁰);
2. критическое (в основном, прокоммунистические авторы¹¹);
3. объективно-реалистическое (объективистское) (работы А.С.Барсенкова, А.И.Вдовина и В.В.Согрина¹²).

Защищены диссертации и вышли монографические труды по истории отдельных направлений перестройки¹³.

¹⁰ См. например: Яковлев А.Н. Реализм – земля перестройки / М, 1990; Он же. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежда и реальности / М, 1991; Он же Горькая чаша / М, 1994; Он же. По мощам и елей / М, 1995.

¹¹ Лигачёв Е.К. Гдлян и другие / М, Ветеран, 1991; Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С.Горбачёва / М, 1995; Лукьянов А. Переворот мнимый и настоящий. Ответы на вопросы из «Матросской тишины» / М, Палея, 1993; Павлов В. Горбачёв-путч. Август изнутри / М, Деловой мир, 1993; Тулеев А. Долгое эхо путча. Как жить дальше? / М, Палея, 1992.

¹² Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985-1994. От Горбачева до Ельцина / М, Прогресс-академия, 1994; Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю / М, Аспект пресс, 2002; Барсенков А.С. Политическая элита СССР и распад союзного государства // http://www.niiss.ru/mags_barsenkov.shtml; Барсенков А.С. Реформы М.Горбачева и судьба союзного государства. 1985 – 1991 / М, МГУ, 2001; Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1938 – 2002 / М, Аспект Пресс, 2003; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти (1945-1991) / М, Издательство РАГС, 1998; История современной России. 1985-1994. / М, 1995, ред. Журавлёв В.В.

¹³ Барыльников И.П. Проблема политической реформы в СССР – России (1987-1993) в американской политологии / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политологических наук, СПб, 1996; Березовский В.Н. Российская многопартийность в конце XX в. (процесс возникновения 1987-91 гг.) / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М, 1993; Гасанов Г.А. Формирование российской многопартийности: истоки, особенности, тенденции (кон.80-х - нач.90-х гг.) / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М, 1996; Курьянов В.Н. Выход Литвы из СССР (внутренние и

Однако и в конце прошлого века, и сегодня историки крайне мало пишут о тех процессах, которые имели место в низах нашего общества и за пределами МКАД, подчас абсолютизируя роль парламентаризма, события в столице и взаимоотношения высших руководителей России и СССР. Не нашла должного освещения роль широких народных масс в перестройке.

Что же касается непосредственно объектов исследования, то только в конце 90-х – начале 2000-х годов, более чем через 10 лет после регистрации в СССР первых комитетов общественного самоуправления, появились

внешние политические факторы) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук, М, 1995; Козин В.П. Эволюция политической системы в СССР (вторая половина 80-х - начало 90-х гг.) / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М, 1992; Филатов Д.В. Предпринимательство в развитой рыночной и в переходной экономике / Автореферат на соискание ученой степени кандидата экономических наук, М, 1999; Фролова Н.А. Становление политических партий России (1985-1993) / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М, 1993; Харитонов О.Г. Трансформация политической системы СССР: пути демократизации в процессе перестройки (1985 – 1991) / Автореферат. дисс. на соиск. уч. степ. канд. полит. наук, М, МГИМО, 1994; Доброхотов Л.Н. Власть и общество в России в условиях системной трансформации (1985-1998) / Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук, М, РНИСНП, 1999; Саенко Г.В. Политическая оппозиция как социальное явление в общественной жизни современной России, конец 80х – 90е годы. / дисс. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук, М, 1996; Ужва Т.В. Общественно-политическое развитие Российской Федерации 80– 90е годы XX столетия. / дисс. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук, М, 1998; Карноухов В.А. От частных преобразований к смене модели общественного развития. 1985-1995 / М, 1996; Миграмян А. Россия в поисках идентичности (1985 – 1995 гг) / М, 1997; Григорьева И.А. Социальная политика и социальное реформирование в России в 90х годах / СПб, 1998; Игрицкий Ю.И. Общественная трансформация в СССР и России после 1985г.: взгляды и концепции / М, ИНИОН, 1998; Передерий С.В. «Перестройка» в СССР глазами советских и американских авторов. Опыт сравнительного политологического исследования / Пятигорск, 1997; Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917 – 1985 гг. / М, РОССПЭН, 2001.

серьезные научные работы о развитии этого явления в России¹⁴. Автором этих строк опубликована первая и пока единственная в российской историографии монография об истории развития КОС в нашей стране с 1988 по 1993гг.¹⁵

Литература, касающаяся второго объекта нашего исследования – истории забастовок в России обширна и до предела политизирована. Можно выделить демократическую (группа Л.А.Гордона)¹⁶,

¹⁴ Зендриков К.Ю. Местное сообщество как предмет социотехнической работы // Местные сообщества в местном самоуправлении / М, МОНФ, 2000, с.57-79; Широков А., Юркова С. Территориальное общественное самоуправление / Городское управление, 1997, №6; Шомина Е.С. Жители и дома / М, Муниципальная власть, 1999; Карасев Ф.Г. Территориальное общественное самоуправление на современном этапе: состояние и проблемы // Территориальное общественное самоуправление: от энтузиазма к профессии / М, Народный фонд, 2001, с.10-12; Кокарев И.Е. Жилтоварищества, территориальная община и общественное самоуправление / М, Народный фонд, 1997; Васильев А.А. Основы территориального общественного самоуправления / Нижний Новгород, 2004; Козлова Т.З. Комитеты общественного самоуправления в Москве / М, ИС АН СССР, 1990; Анимца Е.Г., Заборова Е.Н. Гражданская активность населения: ТОСы в системе местного самоуправления/ Екатеринбург, 2000.

¹⁵ Левчик Д.А. Комитеты общественного самоуправления в России (1988-1993 г.г.) / М, МОНФ, 2000.

¹⁶ Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Шахтеры-92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в постсоциалистической России/ М, Прогресс-Комплекс, 1993; Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / М, 1992, ч.1, с.175-176; Крутой пласт: Шахтерская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен / М, 1999; Гордон Л. Очерки рабочего движения в постсоциалистической России / М, 1993; Гордон Л. Надежда или угроза? Рабочее движение и профсоюзы в переходной России / М, 1995; Бизюков П. Подземная шахтерская забастовка / М, 1995; Борисов В., Бизюков П., Бизюкова В., Бурнышев К., Донов И. Социально-экономический конфликт в шахтерском городе / М, 1995.

коммунистическую¹⁷, и социал-демократическую (работы Б.Ю.Кагарлицкого, Г.В.Ракицкой, А.В.Бузгалина¹⁸) точки зрения на развитие профсоюзного движения в стране. При этом издавались труды как с апологетической оценкой деятельности ФНПР (работы Учебно-исследовательского центра МФП и Академии труда и социальных отношений¹⁹), так и с критической оценкой этой структуры (работы Ю.Миловидова, К.Сумнительного и Л.Булавки²⁰). Особо отметим объективистские труды В.Борисова, В.Рупца, а также А.Кацва²¹.

¹⁷ Например: Лукьянов А. Переворот мнимый и настоящий / М, Палея, 1993.

¹⁸ Кагарлицкий Б. Расколовшийся монолит. Россия на пороге новых битв / М, 1992; Ракицкая Г.Я. На пути к собственной идеологии / М, ИЭРАН, 1993; Рудык Э.Н., Керемецкий Я.Н., Булавка Л.А. Рабочий протест в России: опыт и проблемы / М, Экономическая демократия, 2000; Булавка Л.А. Портрет протестного движения в постсоветской России / М, библиотека журнала «Альтернативы», сер. Самозащита трудовых коллективов, вып.1 (5), 2001.

¹⁹ Например: Федина Г.А. Профсоюзное движение сегодня / М, УИЦМФП, 1993.

²⁰ Миловидов Ю.Н. Профсоюзная собственность должна служить всем членам профсоюзов / М, 2001; Булавка Л.А. Портрет протестного движения в постсоветской России / М, библиотека журнала «Альтернативы», сер. Самозащита трудовых коллективов, вып.1 (5), 2001; Сумнительный К. Несколько штрихов к портрету профсоюзов // Альтернативы, 1993, вып. 3, с. 107 – 119.

²¹ Рупец В. «Альтернативнее альтернативных». О Конфедерации свободных профсоюзов России – КСПР // Новое рабочее и профсоюзное движение, 1993, №1, с.26 – 28; Кацва А.М. Массовые протестные действия в условиях общественной трансформации (90^е годы XX века) // Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт / М, Экономическая демократия, 2001, с.135-142; Кацва А.М., Подкосов Д.П. Лидеры рабочего движения: состав и социальные ориентации // Рабочее движение и политика реформ, М, ИСПРАН, 1992, с.26 – 34; Кацва А.М., Филимонов В.Г. Новое рабочее движение в России: состояние и ближайшие перспективы // Рабочее движение и политика реформ, М, ИСПРАН, 1992, с.5 – 25.

При этом нельзя не заметить, что все исследователи рабочего движения в той или иной мере апологетизируют профсоюзы как форму объединения трудящихся.

Итак, предмет исследования, то есть политический процесс 1988-1993гг. представляется достаточно изученным, имеющим обширную историографию, но объекты исследования на этом фоне выглядят малоизученными (забасткомы) или практически неизученными (комитеты общественного самоуправления).

Вторая глава диссертационного исследования посвящена изучению **процессов зарождения общественного самоуправления в России с 1988 г. по лето 1991 г.** Она начинается разделом, в котором говорится об особенностях социально-экономического и политического развития России. Этот период характеризовался: *экономически* – созданием базиса капиталистического хозяйства, ликвидацией нерыночной системы, регулируемой «сверху», изменением характера собственности; *политически* – сменой форм и характера управления государством. До весны 1989 г. формально существовала советская федерация СССР. С весны 1989 г. до весны 1990г. это была парламентская республика, с весны 1990 г. до лета 1991 г. - президентская республика с элементами плебисцитарной демократии; *социально* – формированием на основе номенклатуры и близких к ней социальных групп буржуазии, а на основе неноменклатурных социальных групп – эксплуатируемых классов (пролетариата и т.п.); *национально* – «парадом суверенитетов», отделением от федерации, объявлением независимости практически всеми союзными и большинством автономных республик Союза. «Парад суверенитетов» осложнялся «войной законов», противоречиями в законодательных системах автономий, республики и федерации.

События конца 80-х - начала 90-х годов прошлого века со всей очевидностью продемонстрировали, что основная идея, господствовавшая в умах представителей правящего в СССР и России класса накануне

«перестройки», была идея трансформации власти номенклатуры в собственность, обуржуазивания номенклатуры. Это было возможно сделать, путем полной интеграции части советской и российской экономики в мировой рынок под руководством номенклатуры, имеющей в качестве стартового капитала часть союзного бюджета. Та часть экономики СССР, которая была непригодна для решения задачи обуржуазивания номенклатуры, подлежала уничтожению вне зависимости от уровня её модернизированности и технологичности. Эта идея стала главной в серии широкомасштабных реформ, проводимых руководством СССР.

Однако реформы невозможно было осуществлять, не опираясь на массовую поддержку населения. КПСС и ВЦСПС не обладали необходимым кредитом доверия у населения. По месту жительства граждан у властей вообще не было инструментария для воздействия на политическое поведение населения, не считая слабых территориальных партийных организаций КПСС и не менее слабых организаций ветеранов. Имеющиеся структуры даже теоретически не могли обеспечить той массовой поддержки, которая требовалась реформаторам. Необходимо было создать иные организационные формы воздействия на население, как по месту жительства, так и по месту работы.

Методом создания этих организационных форм стали провокативные методики, осуществляемые СМИ и спецслужбами и направленные на стимулирование массовой социально-ролевой игры, «разрешённого бунта» против властей, игры в «героя и дружину». В качестве такого «героя» трансформирующаяся номенклатура выдвинула из своих рядов Б.Н.Ельцина. В качестве «дружины» должны были выступить реформистски настроенные народные массы, организованные, в том числе, органами общественного самоуправления. Поэтому второй раздел второй главы диссертации посвящён анализу становления территориального общественного самоуправления. Этот анализ показал, что в начале 1988 г. в Москве на районном уровне был начат эксперимент по трансформации политической системы в микрорайонах

города и передаче денег из районных бюджетов в негосударственные структуры.

Подобный эксперимент мог бы зачахнуть из-за слабости идеологической базы, кадровой необеспеченности и финансовых трудностей, если бы не одержавшее победу протестное движение в московском микрорайоне Братеево летом 1988 года. Именно в Братеево соединились модернизационное движение «сверху» и протестное движение «снизу», породив принципиально новую форму общественной активности – комитет общественного самоуправления микрорайона.

Этому событию предшествовало складывание в Братеево социально-технологических, социально-психологических и субъективных причин для развития крупномасштабного кризиса. Возникновение социального конфликта в Братеево условно разделено нами на два этапа согласно степени организованности протестующих и степени радикализации конфликта. На первом этапе братеевцы пытались в письмах в адрес органов государственной власти и СМИ выразить свое недовольство сложившейся в микрорайоне ситуацией, на втором – пошли на открытое противостояние с властями и создали орган для борьбы с ними, в этом смысле – антивласть – Совет инициативных групп. Это был идеальный орган для организации «разрешенного властями бунта» - несанкционированных, но и не запрещенных сходов, пикетов, собраний, а также для проведения субботников (в некотором смысле, тоже «бунт»). Особую роль в «разрешенном бунте» играли митинги-сходы.

Состав участников, акторов митинга-схода как социально-ролевой игры включал:

1. активных участников митинга,
2. пассивных участников митинга,
3. союзников митингующих,

4. шпильбрехеров, то есть «разрушителей» митинга как массовой социально-ролевой игры, тех, кто не только не участвует в митинге, но и своим поведением способствует его прекращению.

Каждый из этих участников, акторов действовал по своему четко определенному алгоритму, выполнял свою задачу.

В ходе проведения митингов-сходов создавалась обстановка эйфории, которая позволяла мобилизовывать актив протестного движения для выполнения решений Совета инициативных групп. Сам же совет на завершающем этапе своей деятельности начал выполнять представительскую функцию по отношению к властям. Однако этот орган был совершенно неприспособлен к длительному взаимодействию с органами власти, не обладал той легитимностью, которую требовали от него органы государственной власти и управления. При этом требования участников братеевского протестного движения носили рыночный характер и способствовали интеграции России в мировой рынок.

Структура КОСМ была создана и «под задачи» без учета кадрового обеспечения, и «под активистов» без учета конкретных задач. Межличностные связи братеевцев оказывали огромное влияние на работу КОСМ. В составе КОСМ реально работали либо чрезвычайные временные структуры, либо органы, базирующиеся на идеях тотального контроля. Структура Комитета самоуправления напоминала структуру поселкового Совета народных депутатов, где конференция КОСМ соответствовала сессии, заседание КОСМ - заседанию Президиума Совета, а Координационный Совет выполнял роль исполкома. Спецслужбы если не руководили комитетом напрямую, то прекрасно были осведомлены о процессах, происходящих в руководящих органах КОСМ, как структуры, осуществляющей «разрешенный бунт». КОСМ Братеево в начале своего существования был «властью вообще», то есть «паравластью».

КОСМ занимался, в основном, решением вопросов, связанных с распоряжением собственностью, торговлей и представительством в органах

власти. Экологические проблемы для КОСМ были второстепенными. В то же время экологические проблемы и вопросы озеленения микрорайона Братеево постоянно обсуждались на заседаниях комитета. Актив КОСМ проводил массовые политические кампании. Некоторые – впервые в истории СССР. В Братеево был проведен первый в СССР местный референдум о застройке микрорайона. Его результаты КОСМ попытался лоббировать как законодательную инициативу.

КОСМ прошел на тот момент по шкале реакции политической системы на вызов со стороны две первые стадии, во-первых, получил доступ к институциональным каналам политического участия и, во-вторых, доступ к влиянию на повестку дня органа государственной власти.

Массовая опора КОСМ отличалась двойственностью. Узкой была его социально-возрастная опора. В ее основе - люди среднего и старшего возраста, переживающие депрессию и готовые участвовать в «разрешенном бунте» как способе снятия депрессивного состояния. Электорально КОСМ мобилизовал протестных избирателей, число которых в микрорайоне было весьма велико, но быстро сокращалось. Причину этого мы видим в применении активистами КОСМ манипуляционной тактики массовой мобилизации населения. Манипуляции привели к тому, что многие люди не были удовлетворены результатами собственного голосования. Это привело к разочарованию в возможностях КОСМ.

До 1990 г. все принципиальные предложения КОСМ Братеево районным Советом народных депутатов были отвергнуты. Местные органы власти или игнорировали основные требования КОСМ или использовали связь с ним в интересах борьбы за господство в городе. После 1990 г. территориальная депутатская группа Братеево согласилась на переговоры с РК КПСС и вошла «младшим партнером» в коалицию с райкомом. Это помогло создать своеобразную «братеевскую вертикаль», связывающую КОСМ Братеево и председателей комиссий по развитию самоуправления Красногвардейского райсовета, Моссовета и подкомитета Верховного

Совета, что позволило КОСМ оказывать влияние на городское и республиканское законодательство о территориальном общественном самоуправлении.

В целом, из конфликта в Братеево, который мог быть решенным в рамках существовавшей тогда политической системы, в силу кризиса верхов и развития социально-ролевой игры получился конфликт, способный разрушить эту систему и создавший своеобразное общественное самоуправление. При этом подчеркнем, что мы отрицаем исключительно экологический характер протестного движения в Братеево. Мы считаем экологизм этого движения незначительным и базирующимся, в основном, на технофобии.

При этом актив КОСМ очень быстро прошел все стадии гражданской активности, выявленные О.Яницким при изучении экологического движения. От информативной и реактивной стадии в 1988 г., через коммуникативную и реализаторскую в 1989 г., до рефлексивной, самоидентификационной и проектной в 1990 г.²²

Согласно уже упомянутой шкале реакции политической системы на вызов со стороны, КОСМ как актер социального протеста к 1990 г. вышел на 3 и 4 стадию – принятие благоприятного для актора закона (3 стадия) и «результативную чувствительность», при которой благоприятный закон начинает выполняться (4 стадия). В западных политических системах это укрепляет актора протеста, но в российской это привело к отрыву избранных в представительные органы власти членов КОСМ от избирателей и превратило КОСМ из органа псевдовласти в орган псевдовласти. КОСМ остановился в своем развитии.

Развитие КОСМ Братеево, его трансформация из органа антивласти в псевдовластную структуру не могла не вдохновлять тех представителей

²² Яницкий О. Забытая страница новейшей политической истории России // Pro et Contra, 2003, т.8, №2, с.128-129.

реального политического руководства страны, которые содействовали развитию структур подобного рода. Модель подобной трансформации протестного движения была апробирована на всей территории Москвы и заложена в законодательство о территориальном общественном самоуправлении России.

Параллельно со стимулированием территориального общественного самоуправления, трансформирующаяся номенклатура приватизировала крупное производство. И ей понадобились политические союзники на производстве, среди индустриальных рабочих. Для этого были стимулированы протестные настроения среди горняков, которые всегда психологически рассматривались населением и большинством рабочих как политические лидеры рабочего класса.

Третий раздел второй главы диссертации посвящён изучению становления производственного общественного самоуправления в форме забастовок.

В конце 80х – начале 90х забастовки в России приняли огромный размах. Историки пока не могут определить масштабов российских забастовок на начальной стадии. Известно лишь, что с января по март 1989 г. в шахтерских регионах страны прошло 11 забастовок²³. Но в первом полугодии 1991 г. в России бастовало уже 642 предприятия, а в первом полугодии 1992 г. - 5670²⁴. Спустя всего 11 месяцев после первой массовой забастовки на российском предприятии, вне России при активной поддержке противников СССР началась политическая забастовка, которая быстро перекинулась на территорию РСФСР. В результате этой стачки был дан серьезный импульс для окончательной дезинтеграции Советского Союза.

²³ Забастовка: вынужденная мера защиты законных прав, но тот ли это путь/ М, 1989, с.173.

²⁴ Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В. Шахтеры-92. Социальное сознание и социальный облик рабочей элиты в послесоциалистической России / М, 1993, с.31.

По шкале реакции политической системы на вызов со стороны, забастовки, как акторы, на которых должна была реагировать политическая система, прошли за этот короткий период все стадии развития – от получения доступа к институциональным каналам политического участия (1 стадия) до возникновения «структурной чувствительности системы», то есть такого изменения структуры политического взаимодействия структуры и актора, которое открывает новые возможности актору (6 стадия).

Такие темпы развития массового забастовочного движения вроде бы говорят о высокой сознательности и организованности рабочего класса. Но это аргументировано оспаривают почти все серьезные исследователи.

Проведённый нами анализ свидетельствует о том, что объективные причины для социального недовольства в шахтерской среде не были настолько значительны, чтобы вызвать к жизни масштабное забастовочное движение. «Средним» руководителем бастующих был сорокалетний среднеобразованный житель города. Незначительность репрессий, которым подвергались лидеры шахтерского движения, вызывает удивление. Это свидетельствует о наличии в руководстве страны в период 1989-1992 г.г. значительных сил, заинтересованных в развитии радикальных форм шахтерского протеста, которые не позволяли репрессировать шахтерских лидеров. При этом сами шахтерские лидеры не были настолько авторитетны, чтобы руководить общефедеральным забастовочным движением.

Анализируя требования горняков, мы пришли к выводу, что они носили рыночный характер. Это означает, что по своему характеру динамичная забастовочная борьба шахтеров была борьбой за скорейшее внедрение рыночных отношений. Однако требования горняков были нестабильны и ситуативно редактировались. Забастовка могла идти вообще без сформулированных требований! Иными словами горняки нестабильно и ситуативно требовали скорейшего внедрения капиталистического рынка. А подчас просто бунтовали. Анализ представлений шахтеров о рынке убеждает, что реально они этого рынка себе не представляли. Это определяло

характер их действий: когда люди начинают борьбу за что-то, но не представляют себе результатов этой борьбы, то это означает, что для них важен не результат, а процесс самой борьбы. Таким образом, перед нами не профсоюзная борьба за свои права, а иной феномен. Ещё раз подчеркнём, что это в соответствии с категориями социологии – игра, что и объясняет тот ураганный характер, которое приняло забастовочное движение рубежа 80-х – 90-х годов вне зависимости от того, кто его инициировал. Особо ярко эта игра проявилась в обращениях бастующих.

Социально-ролевая игра требует и своих особых проявлений. Необходимо своеобразное «заведение» играющих, пассионарный толчок. Для шахтёров это – подземная забастовка. Когда подземной забастовки не было, то все равно бастующие охотно говорили о ней, то есть «блефовали».

Состав акторов забастовки как социально-ролевой игры включал:

1. бастующих, то есть членов «дружины героя»,
2. радикальных бастующих,
3. противников «героя»,
4. союзников «героя» и бастующих,
5. «ходатаев», то есть «гонцов к герою»,
6. штрейкбрехеров и
7. шпильбрехеров то есть «разрушителей» забастовки как массовой социально-ролевой игры, тех, кто не только не участвует в забастовке, но и своим поведением способствует её прекращению.

Каждый из этих акторов действовал по своему четко определенному алгоритму, выполнял свою задачу. Вместе с союзниками, возглавляемая «ходатаями» и радикалами, «дружина» готова была к совершению «подвига» во имя «героя». Она была «заведена» пассионарными действиями инициаторов забастовки, то есть подземной забастовкой. Она готова была победить противников и штрейкбрехеров. Она даже готова была повернуть историю вспять, «переиграть» ход исторического процесса. Единственной

проблемой в игре было наличие ее разрушителей – шпильбрехеров, тех, кто вообще мешал развитию игры.

Первыми итогами забастовочного движения были невыполнимые решения правительства и закон о коллективных трудовых спорах, который фактически устанавливал формальные правила игры, предполагавшие возможность для ее участников вести себя «не по правилам».

При этом многое зависело от финансирования забастовок. Инвесторами забастовок выступали:

1. Союзники бастующих шахтеров - демократы и новые профсоюзы.
2. Представители новой буржуазии - кооператоры.
3. Российская обуржуазившаяся номенклатура, и ее политотдел – ФНПР, экспроприировавшие для забастовочных целей часть союзного бюджета. В связи с этим можно говорить и о финансировании забастовки со стороны части союзной номенклатуры, согласной с разделом СССР.
4. Зарубежные инвесторы, заинтересованные в распаде СССР.

Правда, прямых инвестиций в забастовку конкретного предприятия было немного.

Для прекращения забастовки только внутренних усилий бастующих было мало. Забастовку было очень сложно прекратить из-за кумулятивного эффекта. А из всех каналов давления на забастовщиков самым действенным оказался технологический.

В качестве побочного вывода можно сделать следующий – директорат бастующих шахт занял двойственную позицию. Он имел все возможности для прекращения забастовки или превращения ее в менее разрушительную форму протеста, но ничего не предпринимал для этого. Его действия начинались только тогда, когда надо было разрешить социально-технологический спор на бастующем предприятии, причем разрешение этого

спора объективно укрепляло позиции директора и улучшало его материальное положение.

Однако в ходе забастовок произошло очень важное событие - были созданы органы, способные выполнять диспетчерские и организационные функции при проведении масштабных, бурно развивающихся производственных протестных акций, то есть эффективные органы антивласти - забасткомы. Их структура была неопределенна. Реально они не управляли забастовкой. Забастовкой пытались управлять с полдюжины различных структур, которые объективно лишь способствовали кумулятивному эффекту забастовки.

Функционально забастком, например, производственного объединения «Североуральский бокситный рудник» был нечто средним между политической партией, органом местного городского самоуправления, торгующей организацией, составной частью дирекции производственного объединения и профсоюзом, то есть был властью вообще, «паравластью». При этом обладал огромным моральным авторитетом, что снимало традиционное для многих рабочих коллективов противостояние «мы (рабочие) – они (начальство)». Такая власть была очень опасна для руководства страны. Поэтому ей предложили видоизмениться. Например, после стачки производственного объединения «Североуральский бокситный рудник», его забастком был вынужден конституироваться как местная организация Независимого профсоюза горняков России (НПГР), тем самым присоединился к относительно немногочисленной организации, которая называлась профсоюзом, но была нечто средним между профсоюзом и политической партией. Сами же бастующие хотели создать иную организацию. Есть основания считать, что аналогичная ситуация сложилась и на других шахтах, где рабочие хотели создать органы «паравласти», власти вообще, но им навязали создание профсоюза, органа псевдовласти.

Иными словами и на производстве, и в городе к 1990 г. была создана модель взаимодействия властей и участников протестного движения.

Таким образом, территориальное и производственное общественное самоуправление возникло под влиянием номенклатурной трансформации страны. Тогда же были найдены социальные формы, способные трансформировать нерыночную систему в рыночную и содействовать первоначальному накоплению капитала. Такими основными формами явились протестные движения. Формирующаяся категория собственников стимулировала их, финансировала, «оплатила игру», породила общественное самоуправление, способное выполнять функции представительства, политической мобилизации и организационно-управленческие, но тут же придала этому самоуправлению форму, удобную для бюрократического регулирования и препятствующую основной функции самоуправления – собственно управленческой.

Модель управления производственным протестом со стороны трансформирующейся номенклатуры при помощи забасток и профсоюзов была опробована хорошо, а территориальным при помощи КОСМ – только локально, в Москве. Плоды этого эксперимента были получены в 1991 году. Этот год стал переломным в отношении номенклатуры и общественного самоуправления. От тактики стимулирования органов общественного самоуправления номенклатура перешла к тактике их ликвидации.

Как и почему это произошло рассказывается в **третьей главе диссертации – «Ликвидация общественного самоуправления в России (лето 1991 – 1993гг)».**

В первом разделе этой главы говорится об особенностях социально-экономического и политического развития России с лета 1991 по осень 1993гг. В 1991 году, в ходе августовских событий Президент России призвал ее граждан к кампании гражданского неповиновения ГКЧП, к «разрешенному бунту», в том числе к забастовкам. Сторонники Б.Н.Ельцина «сверху» рекомендовали проводить забастовки без традиционных органов производственного самоуправления. «Сверху» настаивали на оккупационных забастовках. «Снизу» откликнулись на призыв Президента РСФСР о

поддержке, но не так, как хотели «верхи». Рабочие самостоятельно создали легитимные (с их точки зрения) органы власти на производстве.

Так бастующие в самый ответственный для властей России момент не стали следовать их «велениям» бездумно и дословно. Кроме того, рабочие отказались в полной мере подчиниться Указу Президента России №65, фактически запрещавшему забастовки после 20 августа 1991г. Этим они шокировали российский Белый дом. Не только шокировали, но и вынудили сменить тактику. Президент России Б.Н.Ельцин и Премьер-министр И.С.Силаев пошли на переговоры с членами ГКЧП. Этим они продемонстрировали, что им ближе и «роднее» номенклатурные члены ГКЧП, чем свои собственные неноменклатурные сторонники. Однако поражение ГКЧП было неминуемо. Крах этого органа усилил бушевавший «снизу» «разрешенный бунт».

В ходе «разгрома» ГКЧП у забастовщиков появился опыт удачного полного захвата местной власти, а у номенклатуры появился страх перед возможностью выхода из-под контроля самоуправленческих структур. И трансформирующаяся номенклатура начала активную борьбу с органами общественного самоуправления на производстве.

После распада СССР, на месте РСФСР возникла и просуществовала до осени 1993г. «августовская республика», парламентско-президентская республика Россия с элементами плебисцитарной демократии и усиливающейся президентской властью. Социально-психологическим итогом распада СССР и развития «гайдариномики» стало то, что: основным чувством, которое испытал россиянин стал страх; основной социальной тенденцией – деурбанизация; основной формой политического поведения большинства граждан России – деполитизация, а меньшинства - подготовка к бунту.

Для предотвращения широкомасштабного бунта правительство Б.Н.Ельцина – Е.Т.Гайдара было вынуждено провести широко разрекламированную массовую приватизацию; заключить компромисс со

старой хозяйственной элитой; расширить и укрепить плебисцитарную демократию. Этими мерами окружение Б.Н.Ельцина пыталось деморализовать оппозицию и вселить уверенность в своих политических и экономических сторонников, убедить их в скорой победе и над политической оппозицией, и над экономическим кризисом. Но главная социально-психологическая тактическая задача руководства страны – задача по подавлению любой неноменклатурной, любой не связанной с государством активности решалась с трудом. Для этого нужно было в первую очередь ликвидировать любые структуры реального общественного самоуправления. Сначала – на производстве (забасткомы, как показал опыт «борьбы с ГКЧП», опасны для правящей группировки), а затем – в городских микрорайонах. Прямые репрессивные меры и силовые структуры для решения этой задачи не годились. ФСБ находилась в стадии своего становления, а армия - на стадии очередной реорганизации. Нужны были другие методы.

О том, какие это были методы говорится во втором разделе третьей главы, посвящённом борьбе номенклатуры с забастками.

В начале 1992 г. руководству страны удалось искусственно «педалировать» развитие забастовочного движения, активизировать псевдопрофсоюзы ФНПР, которые увеличивали статистику забастовок, подрывая одновременно их авторитет в глазах трудящихся. Чуть позже, в 1993 - 1994 гг., при помощи суда и прокуратуры началось запугивание неангажированных номенклатурой бастующих. Кроме запугивания была применена политическая нейтрализация бастующих при помощи проправительственного альтернативного профсоюза «Соцпроф». Был спровоцирован внутренний кризис самого активного в те годы профсоюза - НПГР. Снижению забастовочной активности способствовала объективно провокационная деятельность лидеров «Трудовой России».

Только в ходе переворота осени 1993 часть руководителей страны осознала свою ошибку. Тогда в разгар конфликта между Президентом и Парламентом А.В.Рудской сказал: «Лишь всеобщая политическая забастовка

спасет народ». Но он, видимо, уже забыл, как сам громил забастовочное движение. К 25 сентября 1993 г. стало ясно, что никакой забастовки в поддержку Верховного Совета в России не будет.

Параллельно с ликвидацией независимого забастовочного движения шла десоветизация, ликвидировались райсоветы. Пионером десоветизации стала Москва. Своеобразной альтернативой райсоветам, инструментом мирной десоветизации стали органы территориального общественного самоуправления (КОСМ). О десоветизации и борьбе номенклатуры против КОСМ говорится в третьем разделе третьей главы диссертации. В 1991-1993 гг. КОСМ функционально были временными чрезвычайными органами местной власти с неопределенным статусом. КОСМ были тесно связанными с объединениями мелких собственников. В этом мы видим попытку руководителей Моссовета и мэрии Москвы найти себе дополнительную социальную опору в среде формирующейся мелкой буржуазии. КОСМ могли получить в ведение, а то и в собственность у местных органов власти и деньги, и недвижимость на неопределенных условиях. Треть КОСМ существовала там, где были предпосылки создания новых несистемных элементов гражданского общества, а две трети - нет. Половина КОСМ была создана на основе бытового понимания электорального права. Фактически московским КОСМ предлагалось взять «суверенитета столько, сколько смогут». При этом активисты КОСМ позволяли манипулировать собой. Негативные последствия такой политики были очевидны. Однако реальное политическое руководство страны начало тиражировать в России именно московский опыт создания и деятельности КОСМ.

Вне Москвы Комитеты общественного самоуправления решали следующие задачи:

1. Ослабления кризиса управления мегаполисом, реформы городского управления. «Настоящие» КОС решали эту задачу малоэффективно, а «мнимые» не решали вообще, занимаясь сиюминутными и коммерческими вопросами;

2. Изменения политической системы, как радикальные (борьба за десоветизацию), так и замаскированные (создание псевдодемократических организаций);
3. Структуризации несистемных элементов гражданского общества (потребкооперации, локальных партий и т.п.). В России, по сравнению с Москвой, структуры гражданского общества, взаимодействовавшие с КОСМ были беднее, а их требования носили, скорее, распределительный, чем рыночный характер;
4. Разрешения внутрисоциальных конфликтов:
 - межнациональных (например, в Кургане при помощи КОСМ Восточный был «сглажен» конфликт населения с цыганами),
 - межгрупповых (например, при совете общественного самоуправления микрорайона Фактория в г. Архангельске действовала комиссия по адаптации бывших заключенных к «нетюремной» жизни);
5. Изменения текущей политической конъюнктуры, в т.ч. давление центральной политической элиты на региональную, гармонизации конфликтов внутри депутатского корпуса.

При создании КОСМ в большинстве российских регионов, как и в Москве действовало бытовое понимание права. КОСМ выполняли либо чрезвычайные функции, либо функции, параллельные функциям органов местной власти и содействовали процессу первоначального накопления капитала. Российские КОСМ, как и московские, конфликтовали с эксплуатационными управлениями, территориальными депутатскими группами и предприятиями, обслуживающими микрорайоны. Однако российские КОСМ в большей мере выступали как партнеры местных советов и администраций, нежели как конкуренты. Причины этого кроются в отставании периферии от столицы по темпам маркетизации. Всерьез делить власть и собственность, вести жесткую конкурентную борьбу между райсоветами и КОСМ на низовом уровне в депрессивных регионах и зонах стагнации российских городов, где были созданы многие КОСМ, было

невозможно. Однако руководству страны, видимо, были нужны не новые партнеры российских райсоветов, а конкуренты, «властные диссиденты». Но провинциальные российские города имеют вообще иную морфологию и генезис, нежели столица. В них невозможно тиражирование московского опыта. Руководители страны, видимо, ждали быстрой десоветизации в России, но российские КОСМ не смогли в полной мере стать инструментом такого политического действия. Этим они и лишили себя поддержки «сверху». И, несмотря на то, что в России к 1993 г. была готова полная нормативно-правовая и политическая база для сокращения полномочий районных советов, лидеры страны решились пойти по немирному пути десоветизации. КОСМ новой власти стали не нужны. В том числе и потому, что представительная власть местного уровня российской номенклатуре в то время не была нужна вообще.

Трансформирующаяся ещё недавно советская российская номенклатура в процессе превращения своей «доперестроечной» власти в собственность предпочла уничтожить результаты неудачного, с её точки зрения, социального эксперимента, разрушить собственные «непослушные творения» - органы общественного самоуправления. Но полного уничтожения не произошло, так как ей оказалось не по силам разрушить все возникающие реальные пусть даже несистемные элементы структуры гражданского общества в России.

В заключение подчёркивается, что комитеты общественного самоуправления и забастовочные комитеты возникли в условиях, когда в России менялся характер собственности, формы управления государством и проходил «парад суверенитетов». Эти процессы имели огромную специфику на уровне посёлков и городских микрорайонов. В них тоже менялся характер собственности и формы управления, а также возникали протестные движения и органы общественного самоуправления.

Первым органом территориального общественного самоуправления, возникшем на основе протестного движения стал комитет общественного

самоуправления микрорайона Братеево, возникший в Москве летом 1988 г. Начало протестного движения в Братеево условно разделено нами на два этапа: первый - конец 1987 – 5 июля 1988г; второй - 5 июля - 11 августа 1988г. На первом этапе это была петиционная кампания, на втором – открытое противостояние братеевцев с властями (митинги, пикеты), в ходе которого возник орган самоуправления – совет инициативных групп. Усилиями властей совет инициативных групп был преобразован в комитет общественного самоуправления - структуру типа поселкового совета. При модернизации у него исчезли функции осуществляющие организацию несанкционированных, но и не запрещенных сходов, пикетов, собраний. Активисты самоуправленческого движения, начинавшие свою деятельность в 1988 г., как противники властей уже в 1990 г. стали их парламентскими союзниками.

Братеевский опыт был тщательно проанализирован в 1989-1990 гг. руководством столицы и страны положен в основу решений исполкома Моссовета, МГК КПСС, а также постановления Совета Министров СССР об экспериментальной отработке механизма хозяйствования на основе самоуправления. Целью эксперимента являлось управление независимыми экологическими и жилищными общественными формированиями, создающимися структурами гражданского общества, фактически - подавление низового протестного движения. Комитеты самоуправления стали главным инструментом эксперимента. Мы выделяем несколько этапов развития этого эксперимента:

1. С конца 1989 г. до весны 1990 г. Эксперимент, управляемый руководством Москвы, в ходе которого прошло относительно успешное «тиражирование» братеевского опыта по Москве;
2. Весна 1990 г. – осень 1991 г. Неуправляемое развитие территориального общественного самоуправления вследствие кризиса в руководстве СССР и России. Превращение органов территориального

- общественного самоуправления в инструмент «войны соседств» и борьбы с низшими органами местной власти и управления;
3. Осень 1991 г. – осень 1993 г. Возобновление эксперимента властями России. Использование властями комитетов самоуправления как инструмента мирной десоветизации на уровне городских районов. Неудачное «тиражирование» братеевского опыта по России;
 4. Осень 1993 г. Свёртывание эксперимента по развитию территориального общественного самоуправления. Попытки ликвидации ведущих комитетов общественного самоуправления.

Аналогичные процессы происходили на производстве. Так первыми органами территориального производственного самоуправления, возникшем на основе современного протестного движения стали забасткомы в Норильске, Воркуте и Кузбассе. Начало забастовочного движения в России условно разделено нами на два этапа: первый - с начала 1989 г. – до апреля 1989 г.; второй - с апреля 1989 г. до июля 1989 г. . На первом этапе забастовочное движение прошло путь от отдельных выступлений шахтёров до первой массовой забастовки, на втором - от первой массовой забастовки предприятия до первой массовой региональной забастовки. Как и в случае с территориальным общественным самоуправлением, опыт забастовок был тщательно проанализированы руководством страны. Результатом стали постановление правительства и Закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)», а также попытки контролировать забастовочное движение при помощи профсоюзов, альтернативных системе ВЦСПС – ФНПР.

Мы выделяем несколько этапов развития забастовочного движения в стране:

1. С марта до октября 1990 г. От XV съезда профсоюза работников угольной промышленности и создания инициативной группы по формированию нового профсоюза шахтёров до II съезда шахтеров, где

было объявлено о создании первичной организации Независимого профсоюза горняков (НПГ) СССР - участников съезда;

2. С осени 1990 г. до весны-лета 1991 г. От создания Независимого профсоюза горняков до первой общероссийской отраслевой политической забастовки. На этом этапе шахтёрские забасткомы и Независимый профсоюз горняков превратились в инструмент борьбы части российской номенклатуры за переход предприятий угольной отрасли СССР на территории РСФСР в юрисдикцию России и акционирование шахтоуправлений;
3. С осени 1991 г. до осени 1993 г. Свёртывание эксперимента по развитию забасткомов. Попытки политической нейтрализации ведущих независимых профсоюзов.

С точки зрения социологии как возникновение территориальных и производственных протестных движений, так и сам эксперимент по созданию комитетов общественного самоуправления и забасткомов можно описать в характеристиках массовой социально-ролевой игры. Для историков подобное описание позволяет объяснить причины, по которым структуры общественного самоуправления демонстрировали сначала высокий уровень организованности, а затем «вдруг» бесследно исчезали, множа исторические мифы современной истории²⁵. Это же объясняет причины неудач законодательного регулирования движения самоуправления, объясняет особенности митинговой и электоральной стратегии и тактики участников движений и причины выдвижения определенного типа лидеров в этих движениях.

²⁵ О явлениях подобного рода см.: Багдасарян В.Э. Метаистория / М., 2003; Он же. Проблема мифологизации истории в отечественной литературе 1990-х гг. / М, Изд-во МПУ «Народный учитель», 2000.

В заключении подчёркивается, что новизной диссертации являются
выводы о

1. масштабах протестного движения в стране в 1988 – 1993 гг., на базе которого возникли комитеты территориального общественного самоуправления (КОС) и забастовочные комитеты;
2. протестном движении как массовой социально-ролевой игре и невозможности назвать КОС и забасткомы в полной мере структурами гражданского общества, так как они стали плодами развития этой игры. Управляя КОС и забасткомами, с желанием управляемых, власти России начали сначала, массовую приватизацию крупного и среднего производства, а чуть позже – маркетизацию городского пространства;
3. создании КОС и профсоюзов на базе забасткомов как о формах политической активности, навязанных участникам протестного движения «сверху»;
4. событиях ГКЧП, в которых забасткомы начали выходить из-под контроля властей. Страх «верхов» перед несанкционированными действиями забасткомов остановил эту «августовскую номенклатурную революцию»;
5. том, что основным содержанием социально-политических действий реального политического руководства страны во время «августовской республики» было порождённое страхом перед популистской революцией подавление независимого низового политического движения, способного вдохнуть реальные силы и новое содержание в новые органы власти – забасткомы и КОС, даже если это низовое движение было ранее инициировано «сверху»;
6. принятии до 1988г. реальным политическим руководством страны решения о проведении десоветизации на низовом уровне.

Это явление стало необратимо с 1991 г., а значит не о каком «противостоянии ветвей власти» на низовом уровне не может быть и речи после 1992г.

Сравнение развития комитетов общественного самоуправления с забастовочными комитетами при всей несопоставимости масштабов и диахронности явлений выявило одинаковый характер взаимодействия властей и этих движений. И те, и другие, формально представляя собой несистемные элементы гражданского общества по сути были использованы властями для решения вопроса о власти и собственности «внизу», приватизации производства и маркетизации городского пространства.

В приложении к диссертации вынесены материалы клиометрического аспекта изучаемой темы (о компьютеризированной базе данных комитетов общественного самоуправления), путеводитель по фокус-группе на тему «Образ власти», анкета организации, готовящейся к выборам, перечни основных комитетов общественного самоуправления, перечень локальных партий в Братеево, таблица распределения комитетов общественного самоуправления по морфологическим зонам российских городов, данные об источниках финансирования комитетов общественного самоуправления, данные о регистрации основных российских комитетов общественного самоуправления.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Монография

Левчик Д.А. Комитеты общественного самоуправления в России (1988-1993 г.г.) / М, МОНФ, 2000, 255 с.

Научные статьи

1. Левчик Д.А. Выборы в органы территориального общественного самоуправления и их роль в формировании современного российского электорального права / Вестник Московского государственного областного университета, 2003, №7, сер. История, с.83-90.

2. Левчик Д.А. Забастовочное движение шахтеров 1988 – 1993 гг. / Социологические исследования, 2003, №10, с.30-37.

3. Левчик Д.А. Комитеты общественного самоуправления: тенденции развития / Социологические исследования, 2002, №2, с.31-38.

4. Левчик Д.А. Митинг как форма предвыборной борьбы / Социологические исследования, 1995, N11, с.52-58.

5. Левчик Д.А. Основные элементы актуализации имиджа кандидата в депутаты в ходе подготовки и проведения избирательной кампании / Вестник Московского университета, сер.12, Политические науки, №2, 1995, с. 78-89.

6. Левчик Д.А. Особенности подготовки и проведения избирательной кампании «от двери к двери» / Вестник Московского университета, сер.12, Политические науки, №3, 1995, с. 52-60.

7. Левчик Д.А. Политический «хэппенинг» / Социологические исследования, 1996, №8, с.51-56.

8. Левчик Д.А. Рецензия на «Диалог. Скажи как? Из опыта коллектива программы «диалог» / Социологические исследования, 2001, №12, с.143-145.

9. Левчик Д.А. Рецензия на Шомина Е.С. «Жители и дома. Организации третьего сектора в жилищной сфере» / Социологические исследования, 2001, №9, с.146-147.

10. Левчик Д.А. Рецензия на сборник «Территориальное общественное самоуправление: опыт деятельности» (М, МОНФ, 1999) / Социологические исследования, 2000, №6.

11. Левчик Д.А. Рецензия на: Рудык Э.Н., Керемецкий Я.Н., Булавка Л.А. Рабочий протест в России: опыт и проблемы, М, Экономическая демократия,

2000; Булавка Л.А. Портрет протестного движения в постсоветской России. Самозащита прав трудовых коллективов в современной России, М, 2001 / Социологические исследования, 2003, N2, с.145-147.

12. Левчик Д.А., Заславский С.Е. Особенности партогенеза в России / Вестник Московского университета, сер. 12, Политические науки, 1995, №6, с.47-54.

13. Левчик Д.А., Левчик Э.Г. Типы политического поведения населения / Социологические исследования, 1997, №12, с.24 – 34.

14. Левчик Д.А., Левчик Э.Г. «Человек у власти»: представления оппозиционного электората / Социологические исследования, 1999, №6, с.35 – 41.

15. Левчик Д.А. Роберт Уиллиам Фогель и «новая экономическая история» / Новая и новейшая история, 1989, N6, с.181-192

Брошюры

1. Левчик Д.А., Амелин В.Н., Устименко С.В. Воюют надписи. Имидж кандидата и способы его актуализации / М, ИСПТ, 1995.
2. Левчик Д. А. Наука побеждать на выборах / М, РГГУ, 1991.

Статьи в сборниках

1. Левчик Д.А. Городские конфликты второй половины 90х годов в Москве // Местное самоуправление – механизм реализации конституционности России. Материалы научно-практической конференции 16 – 17.05.2002 / М, МЭПИ, ч.1, с.284-289.
2. Левчик Д.А. Комитеты общественного самоуправления в России (1994-2001) // Территориальное общественное самоуправление: опыт муниципальных округов Ярославской области и регионов России / Ярославль, 2003, с.44-54.
3. Левчик Д.А. О необходимости кодификации законодательства о местном самоуправлении // Реформа местного самоуправления и национальная безопасность России. Материалы научно-практической конференции МЭПИ, 16-17.05.2003 / М, ч.3, 2003, с.38-40.
4. Левчик Д.А. Развитие территориального общественного самоуправления // Распад СССР: 10 лет спустя / М, Слово, 2001, ч.1, с.275-276.
5. Левчик Д.А. Развитие территориального общественного самоуправления в России (1988-1993) // Российская государственность и местное самоуправление.

Материалы научно-практической конференции 18 – 19.05.2001 / М, МЭПИ, ч.2, с.171-176.

6. Левчик Д.А. Самоуправление и российская трансформация // Россия в условиях трансформаций / М, 2002, вып.27, с.5-42.

Статьи в научно-публицистических изданиях

1. Левчик Д.А. Значок как элемент предвыборной агитации / Журнал о выборах, 2003, №1, с.46-48.
2. Левчик Д.А. Молчание ягнят? Тенденции в политическом развитии столицы, проявившиеся на выборах в московскую городскую думу в 2001г./ Выборы. Законодательство и технологии, 2002, №2, с.38-43.
3. Левчик Д.А. Основные элементы электорального права и их применение в российском законодательстве 1992-94 г.г. / Кентавр, 1994, N 5, с. 105 -114.
4. Левчик Д.А. Парадоксы «красного пояса» России / Журнал о выборах, 2002, №2,с.31-33.
5. Левчик Д.А. Парадоксы «красного пояса» России-2 / Журнал о выборах, 2002, №3,с.39-41.
6. Левчик Д.А. Политические аутсайдеры / Кентавр, 1995, N6, с. 58-72.
7. Левчик Д.А. Российский «черный PR» - бессмысленный и беспощадный / Выборы. Законодательство и технологии, 2000, №2, с.50 –53.
8. Левчик Д.А. Самоуправлять по-русски. Или как развивалось территориальное общественное самоуправление в современной России / Альтернативы, 2002, №2, с.183-187.
9. Левчик Д.А. Фальсификация выборов и методы борьбы с ней. Справочный материал в помощь участникам избирательных кампаний / Коммунист, 1995, №2, с.100 – 113.
10. Левчик Д.А., Борисов В.А. Забастовки и голодовки как элемент политической борьбы / Труд и социальные отношения, 1996, N 1, с. 3-20.
11. Левчик Д.А., Перфильев А.В. Особенности привлечения средств в фонд избирательной кампании (фондрайзинга) в России / Кентавр, 1994, N6, с. 85-90.

Учебный курс

Левчик Д.А., Шутов А.Ю., Бызов Л.Г., Нэх В.Ф., Рябов А.В., Заславский С.Е., Рыскова Т.М., Камалов М.М., Шестаков Н.А. Прикладная политология. Экспериментальная программа учебного курса для студентов отделения

политических наук / М, МГУ, философский фак-т, 1994. [Раздел «Технология избирательной кампании»]

Публицистика

1. Левчик Д.А. Бастуем! / Братеево, 1993, № 1(11).
2. Левчик Д. Беззаконие / Братеево, 1993, №1 (11) .
3. Левчик Д. Братеевцы за отделение / Братеево, 1993, №5 (15) .
4. Левчик Д.А. К кому бы примкнуть? / Правда, 24.06.95.
5. Левчик Д. Красногвардейская коррупция / Братеево, 1992, №9.
6. Левчик Д. Мэрская ложь / Братеево, 1992, №10.
7. Левчик Д.А. Нардепы, которых мы выбираем / Новая социал-демократия, 1993, №5.
8. Левчик Д. Плохому председателю кворум мешает / Братеево, 1993, №6 (16).
9. Левчик Д. Погром / Братеево, 1993, №2 (12).
10. Левчик Д. Шесть сравнительно честных способов надуть народ по итогам референдума 25 апреля / Братеево, 1993, №5 (15) .
11. Левчик Д. Братеевские социальные программы / Братеево, 1992, №7.
12. Левчик Д. «Братеевская фракция» в районном совете / Братеево, 1992, №4.
13. Левчик Д. (псевдоним Л.Старостин) Пикеты на Городне / Братеево, 1992, №7.
14. Левчик Д.А. (псевдонимом Ефремов А.) Российский «черный PR» - бессмысленный и беспощадный / Вечерняя Рязань, 2000, 27.10.
15. Левчик Д.А., Белелюбский Ф.Б., Эльманович С.С. Политический задачник / Правда 5, пятничное приложение, 1995, №22.
16. Левчик Д.А., Бондуrowsкая В.Н., Нахимовский А.М. Забастовка? / Время, №13, (1990, август).
17. Левчик Д.А., Бондуrowsкая В.Н., Нахимовский А.М. Осень. Братеево. / Открытый университет, июль, 1990, №3, с.7.
18. Левчик Д.А., Горбашов И.Н. Такова цена ошибки / Новая социал-демократия, 1993, №1.
19. Левчик Д.А., Трусов Н. «Шахтеры России» выходят на политическую сцену / На-гора, 1995, №11-12.
20. Левчик Д.А. Кто есть кто во фракции «Гражданское общество» / Братеево, 1992, №6.
21. Левчик Д.А. Международное профсоюзное движение и проблемы внешнеполитической ориентации профсоюзов России / Братеево, 1993, №1.

22. Левчик Д.А. Многопартийная система и наше общество / Пульс-информ, 1991, N1, с.7-10.
23. Левчик Д.А. Новые профсоюзы в постперестроечной России / Братеево, 1994, №1 (23).
24. Левчик Д.А. «Смеховые» партии / Московская правда, 17.04.96.

Статьи в сети Интернет

1. Левчик Д.А. Движение самоуправления в микрорайоне Бывалово (Вологда) 1987-1998гг.// <http://www.vasilievaa.narod.ru>
2. Левчик Д.А. Комитеты общественного самоуправления в России (1994-2000) / <http://kishinets.ru>
3. Левчик Д.А. Комитеты общественного самоуправления в России (1988-1993) // <http://www.vasilievaa.narod.ru>
4. Левчик Д.А. Комитеты общественного самоуправления в России (1994-2001) // <http://www.vasilievaa.narod.ru>
5. Левчик Д.А. Комитеты общественного самоуправления в России (1988-1993 г.г.)// <http://www.LewDA.narod.ru>
6. Левчик Д.А. Самоуправление и российская трансформация / <http://www.vasilievaa.narod.ru>
7. Левчик Д.А. Самоуправлять по-русски. Или как развивалось территориальное общественное самоуправление в современной России // http://www.alternativy.ru/magazine/htm/02_2/2002.
8. Левчик Д.А. Самоуправлять по-русски // <http://www.vasilievaa.narod.ru>
9. Левчик Д.А. Сеанс «черного PR» с разоблачением / <http://www.hse.ru/news/news9912html>.
10. Левчик Д.А. Тенденции в политическом развитии столицы, которые отразили выборы в московскую городскую думу 2001г.// <http://www.aavasiliev.narod.ru/tos.htm>
11. Левчик Д.А. Чистые и грязные избирательные технологии // <http://www.indem.ru/idd2000/conf/Levchik.htm>
12. Левчик Д.А. Чистые и грязные избирательные технологии // <http://kiev-security.org.ua>
13. Левчик Д.А. Чистые и грязные избирательные технологии // <http://www.kyrgyzby.narod.ru/archive/2004/griaspr.htm>

14. Левчик Д.А. Выступление на парламентских слушаниях «Проблемы правового регулирования территориального общественного самоуправления» 25.05.2001 // <http://www.yabloko.ru/Themes/SG/stenog/250501.html>
15. Левчик Д.А. Комитеты общественного самоуправления в России (1988-1993) // <http://www.volga.ngo.ru>
16. Левчик Д.А. Комитеты общественного самоуправления в России (1994-2001) // <http://www.volga.ngo.ru>
17. Левчик Д.А. Комитеты общественного самоуправления: тенденции развития // <http://www.dp5.ru>
18. Левчик Д.А. Комитеты общественного самоуправления: тенденции развития // <http://www.soc.lib.ru>
19. Левчик Д.А. Рецензия на сборник “Территориальное общественное самоуправление: опыт деятельности” (М, МОНФ, 1999) // <http://ecsocman.edu.ru/socic/nisg/215067.html>.
20. Левчик Д.А. Политический «хэппенинг» / <http://ecsocman.edu.ru/socic/nisg/207313.html>
21. Левчик Д.А., Левчик Э.Г. Типы политического поведения населения // <http://ecsocman.edu.ru/socic/nisg/219222.html>

Перечень основных работ Левчика Д.А. (12 наименований) см. также: Институт выборов в истории России. Библиографический указатель / Калуга-Москва, РЦОИТ при ЦИК РФ, фонд «Символ», 2002, ред. А.А.Вишняков, с.413, 446-447, 456, 512, 623.